

АВЕТИК ИСААКЯН
Поэма "Мгер из Сасуна"
Перевод К. Липскерова

Глава первая

Встал храбрый Давид, князь Сасуна, — и вот
На Мысыр он войной идет.
И вот за уходом Давида вслед
Хандут-госпожа
Завершила круг —
Принесла на свет
Младенца, чтоб мощь унаследовал он,
И земли Сасуна, и джоджанский трон.

И, как стародавний обычай велит,
Пришли все старейшины дома Джоджанц,
Не в пеленки младенца они облекли,
А цепями от плуга его оплели,
И сказали старейшины дома Джоджанц:
«Если мальчик железные цепи порвет,
Значит, воли он хочет, ее обретет,
Он — нашего рода: отец его — лев».

А мальчик руками, ногами сучил,
И звенья раздались, и цепь он разбил.
И вестник к Давиду сквозь войско спешит.
И к Хандут свой наказ отправляет Давид:
«Чтобы сыну, чтоб львенку имя сыскать,
Ты отца моего имя возьми.
Надо Мгером его назвать.

Над нашей страной владыкою должен он стать.
Кто ломает железо, тот управляет людьми».
И горестный день пришел:
Скончался могучий Давид.
Боль сердца убила Хандут,
И Мгер одинок и сир
Остался, вступая в мир.

И тогда брат Давида — Чинчхапорик —
Над могучим Сасуном владыкой возник.
Всё добро, все сокровища брата он взял,
И растить и выхаживать Мгера он стал.
Хоть малым ребенком был еще Мгер,
В Сасуне для всех он был силы пример,
Осанкой — в отца, с высоким челом,

Взор — орлиный, душа не знакома со злом.
Кудри — огонь,
Стан и руки что сталь — опасайся, не тронь!
Снедь семи человек поедал он зараз,
Все растут по годам, он растет по часам.
Непокорен он был, дерзновенен и яр,
Жил в нем пламенный жар.
А рассердят его — помрачнеет он тут,
Что вершина Немрут.

Горы грузно ступнями стоят в пропастях,
По вершинам их — молнии прыщут в ветрах,
Сила Мгера за молнией Мгера гнала,
Он выщипывал перья из крыльев орла.

И дядя однажды Мгеру сказал:
«Наши гряды, луга — всё, что я сберегал,—
Пастухи потравили; иди погляди,
Ты за дело примись, дома зря не сиди».

И Мгер спозаранок вставал,
На плечо надевал
Суму буйволиную с хлебом, с питьем,
По просторам сасунским сновал, по горам,
Охранял он сасунские нивы, луга.
На сасунских горах много есть родников,
И серебряной, буйною гривой львов
По уступам простерся их пенный покров.
Садился Мгер у воды,
Сразу весь хлеб съедал,
Голодным весь день блуждал.

Он, домой возвращаясь, дяде вечером говорил:
«Сегодня опять я не ел ничего».
— «Сынок, отчего?»
Банджары да синдзы ты можешь в лугах нарвать,
Собирай их и ешь, зачем голодать?»
Поднимался Мгер,
По теснинам сновал,
Диких пчел
Благородные соты сбирал,
Съедал, набирался сил.
Карабкался между скал,
По грозным гнездовьям орлов
Яйца сбирал.
И кремнистые глыбы друг о дружку он бил,
Из огромных камней огонь высекал,
Разводил костер, пек

Яйца орлиные,
Съедал, набирался сил.
Охотничал он, бродил
В тростниках у реки Ангех,
В дремучих, в темных лесах
Без дорог, без тропы, без вех.
Вперегонку с ветрами бежал,
Перепрыгивал через ров,
Преследуя по пятам
Стада кабанов.

На вершину горы Мгер взбирался порой,
На вершину, встающую острой стрелой.
На уступах тех скал
Он порою стоял,
Где газель удержать своих ног не могла,
Там, где птичьего не было видно крыла,
И кричал с дерзновенною силою в дол,
Словно вольный, гордый орел.
С вершины Андока, гром рождая и звон,
Глыба страшная сорвалась,
И крутилась она, неслась
На овец, на джоджанский загон.
Мгер подбежал, могучую спину
Подставил под глыбу, глыбу сдержал.
И до этого дня
Всё висит задержанный Мгером обвал.

Мгер, домой возвращаясь, дяде вечером говорит:
«Сасунские камни — словно ножи. Взгляни —
Разодрали в клочки мои лапти они».
Чинчхапорик молвил в сердцах:
«Почини! Носил их не много дней!»
Мгер заворчал и бесстрашно напряг
На дядю он лук бровей.

«От этого дэва скоро настанет беда,
Он — бес исполинский, страшный вишاپ.
Увещаньям не внемлет, не слышит угроз», —
В страхе большом
Чинчхапорик молвил жене.
И порешили:
Так или эдак от Мгера себя упasti;
Мгера, прочь прогоняя
Из дома, из края,
Направить по гибельному пути,
Навек из Сасуна выгнать его.
А Воробышка-крошку, сына своего,
Что в стенах монастырских Марута за грамотою сидел.

Сделать властителем, чтобы наследовал он
Земли Сасуна
И джоджанский трон.
И вот снаряжают они
Отрока Мгера, снеди ему дают.
В Капуткох направляют,
К отцу Хандут.
«Твой дед престарелый, —
Дядя сказал, —
Не видел тебя долгий срок.
Отправляйся, людей повидай, белый свет
Исходи.
Научись хоть чему-нибудь, сынок».
В путь отправился Мгер, в Капуткох пришел,
В землю деда пришел.
В доме дедовском пробыл он ровно семь лет.
Наездничал с дядьями он,
По охотничьим взгорьям скакал на коне,
Со старшими наравне
В схватки вступал в латах, в броне.
Но час настал, и скончался дед,
И Тева-Торос, дядя старшой,
Мгера позвал, с усмешкой сказал:
«Глупый Мгер! Иль тебе не приходит на ум,
Что в наследье ты б мог получить Сасун?
Твой отец имел бурдюки, золотую в них россыпь храня,
Он села, он доли, он грады имел,
Меч-молнию,
Огненного коня.
Пристало ль тебе обивать, как бездомному, наш порог?
Твой дядя добром овладел, расправляется с ним,
А ты на чужбине совсем изнемог!
Эй, сумасброд Джоджанц! Да не иссякнет твой дым!»

Мгер тут вскочил и расправил грудь.
Палицу — в руки,
Под ноги — путь.
Пошел и пришел в престольный Сасун.
А как прибыл в Сасун — на колени он встал,
Землю края родимого поцеловал
И стрелою помчался в Арюцаберд,
В старинный очаг Джоджанц.
Он в замок отцовский под вечер вошел,
Он, от гнева сгорая, речь с дядей повел:
«Как ты князя Сасунского мог
Заставить чужой обивать порог?»
Еще говорил он, — Чинчапорик
Топнул о землю, взлетел
Его грозный крик:
«Проклятье тому, кто сирот
Под крылом своим бережет!»

Мгер за палицу взялся вмиг,
Да рука на дядю не поднялась.
Разъярился Чинчхапорик,
Люто взревел
И дубину взял,
Мгера избил, из дому прогнал.
Мгер обернулся, взбешен и яр,
Да не послушалась снова рука,
Сдержал он удар.
И в путь он пошел, слезы горькие лил,
Над могилой родителей плечи склонил,
Попросил он прощенья, пошел он, — и вот
Уж не видно ни взгорий сасунских, ни вод.

Глава вторая

И Мгер, обездоленный, голодом, жаждой томимый,
Гонимый,
Даль в глаза свои взял,
Путь он под ноги взял,
И пошел, и пришел в Чапахджура поля.
И только пришел в Чапахджура поля,
Увидел он: в летний, в полуденный зной
Под сладостной тенью, под темной листвой
Сидит богатей, сидит он с женой,
Яичницу ест, попивает вино.
«Привет! На здоровье! —
Сказал ему Мгер. —
Я голоден, дай-ка мне хлеба поесть».
Промолвил богач: «Ступай в мое поле, работка там есть.
Очисть от камней его да прополи.
Попотей, хлеба дам, — голод свой утолишь».
Мгер пришел к батракам,
Глядит: батраки
Ногтями упорной, сильной руки
Камни выдергивают; их рука
Поля очищает от сорняка.

Встал Мгер на колени, и тяжек был труд:
Лучи огневые, полдневные жгут,
Согбенную спину покрыл ему пот.
До вечера страдал в труде он, — и вот
Вечер пришел.
И он с батраками, понурый, в поту,
В землянку, как в нору, должен был влезть
И с ними гурьбою в потемках лежать.
Кус черствого хлеба дали поесть,
Подстилку дырявую дали поспать.
И лег он на землю, и ноги поджал,

Да очи смежить было невмочь.
О житейских делах думал всю ночь
Мгер Джоджанц:
«Те, что знают лишь труд, —
Всухомятку едят.
Те, что бедных гнетут, —
Сытно, сладко едят».
И утро пришло;
Батраки поднялись,
За работу безропотно принялись.

И терпел он день, и терпел он два,
А на третий день
По челу его пробежала тень;
И на ум ему в этот час пришло:
«Тут не жизнь, а смерть! Только смерть и зло!
Я не воду, нет, в этом злом краю —
Яд змеиный пью!»
В руки палицу взял,
Путь он под ноги взял
И пошел — и пришел он в город Востан,
И к пекарю Мгер
В услуженье пошел.
Весь день он дрова да воду носил,
И ночью работать уж не было сил:
В ночь муку он просеивал, тесто месил,
Склонялся к подушке... век еще не смежил,
А уж вскакивал на ноги:
Доля хлеба для Мгера была мала,
И долю другую он взял со стола.
Хозяин увидел,
Сердито сказал:
«Эй ты, ненасытный!
Всё ты хочешь пожрать!
Вишاپ из Сасуна!
Чем же мне торговать?»
У Мгера в очах тут огонь засверкал,
И пекарь увидел и в страхе смолчал.

Хлеба под замок пекарь убрал.
Пальцем запоры Мгер отбивал,
Хлеба поедал.
Хозяин опять рассердился, сказал:
«Мгер! Зачем ты замки отбиваешь,
Хлеба поедает?»
Иль закона не знаешь?
Хлеб чужой, не тебе предназначен он!
Есть кара! Есть кара!
И закон! Закон!»

И Мгер тут стальными плечами пожал,
Удивился, сказал:
«Кара? Закон? Про какую твердишь вину?
А это — закон?
Я — трудную лямку тяну,
Ты — вкушаешь сладость одну
Да сколачиваешь казну!»

И с мрачной душой в путь отправился Мгер.
Из Востана дорога его увела.
И вот подошел он к земле Латар,
У какого-то встал села.

И Мгеру работу дал старшина,
Как батраку, за харчи,
Велел с рассвета начать,
Гонял его в поле под яростные лучи
И в виноградники богача.

Уж свет дневной уходил,
Крестьянин поле скосил,
Снопы увязал, сложил
Заскирдовал на току
Золотую пшеницу.

Дорога гусана к скирдам привела.
Лира гусана — череп вола.
Три меж рогами струны
Туго натянуты, прикреплены.

Он отдал поклон, на сноп он присел,
Он по струнам ударил и складно запел,
Насущному хлебу он славу воспел.

«Да славится хлеб —
Благо народа!
Нужнее, чем хлеб,
Только свобода!

Мы хлебоборам от чистой души
Пожелаем долгие дни.
Насыщают, питают мир
Хлебоборы одни.

И о вас мы поем, о том,
Что труды ваши святы, поем.
О хлебе святом поем,
О свободе вашей поем».

Пернатые стаи слетелись с небес,
Защебетали кругом
Их голоса.
Взяли долю они, взвились в небеса.

И князь появился — он полем владел, —
Он половину пшеницы унес.
А после и староста к току пришел,
И лавочник к хлебу дорогу нашел.
Мешками, в охапку пшеницу влекут,
Они золотую пшеницу влекут.
В счет побора, за долг, за налоги берут.
Ничего не осталось крестьянину тут —
Только зернышки на току.

И как только всё это увидел Мгер,
Не знал он, как пламень души превозмочь.
Он ахал весь день, он ахал всю ночь,
Думал, нахмурившись, Мгер:
«Простолюдин под гнетом ярма
Наполняет давяльни и закрома,
Чтобы стали еще полней
Амбары князя и богачей.
А сам он — голодный, а сам — не одет,
Всё такой же нагой, как родился на свет».
И Мгера позвал старшина, сказал:
«Ну, подать свою подай,
Подушную подать царю подай!»
— «Какая тут подать? Пред кем я в долгу?
Что за царь?
Он мне в долг не давал, что он просит с меня?» —
Так молвил отважный Мгер.
Закричал старшина, и вот всё село
Пришло — работники, батраки,
На плечах у них змеи жгутов ременных,
Дубинки в руках у них.
«Вяжите, — сказал, — руки-ноги ему!
В железо закуйте! Бросьте его
В тюремную тьму!»
«Эх, рабы скудоумные!
Не защитой вы стали мне в этот час,
А я с душегубом вашим борюсь!
Оружие вы взяли,

Пошли на меня,
Как будто я — не за вас!
Эй! В сторону все!
Пускай старшина придет,
Подать царю берет!» —
Так вымолвил Мгер
И великой твердыней
Стоял.

Порешили они
Мгера схватить.
Мгер нахмурил чело,
Палицею взмахнул.
Ударила палица о ступу,
Взлетела ступа,
Крутясь, понеслась —
Доселе летит.
И ветер от взлета ступы,
Словно молнии взмах,
Распластал старшину села:
Он лежал как смердящий прах.
И люди взглянули — и вмиг всё село
Точно бурей смело.
И с мыслью смутной,
С печальной душой
В путь он пошел
И увидел в пути:
Над лугами зелеными гор,
Над ключами, бегущими с гор,
Дикие стаи веселых птиц
Реют, поют,
С лепетом-щебетом в небе снуют.
И к ним обратился Мгер и сказал:
«Блаженные, дикие птицы!
У неба вы в милости — прокляты люди, —
И вольно, беспечно,
Как дружные братья,
В любви вы живете, не зная забот.
Владелец полей вас не гнетет,
Поборов и даней с вас царь не берет,
Блаженные, дикие птицы!»

И Мгер огневой
До Медного города добрался.
Медного города стены, врата
Медночеканные были крепки.
Меднолитые своды моста,
Башни над крепостью были крепки.
И долго бродил он и взад и вперед
По маленьким улицам и по большим,

И он, удивленный, на площади встал
Возле богатых палат.
И слышит он: мастер с высокой стены
Громко кричит:
«Эй! Камней!
Эй! Раствору да щебня давай!»
Работники, на спины глыбы взвалив
Да ведра огромные, по ступеням
Узеньких лестниц
Кверху и вниз
Снуют, колена трясутся у них,
Тяжко вздыхает грудь.
И Мгер увидел: рабочий-юнец,
С камнем тяжелым высоко взойдя,
Рухнул на землю и раскроил
Череп... и брызнул мозг.

И когда эту гибель увидел Мгер —
Гневом пылая, вскричал:
«Эй, люд подневольный, чей тягостен труд!
Весь век строишь ты для князей, богачей
Давильни и погреба,
А для себя искони
Ты строишь тюрьмы одни?
Незавидна твоя судьба!
Пойду и построю я крепость — одна
Вам только и станет защитой она.
Отцовские латы возьму, и коня,
И сасунцев, полных огня,
И выйдем на бой,
И мир победим корыстный и злой,
Во прах сокрушим,
И строй трудовой установим в миру,
Строй люда простого, закона и прав,
Чтоб труженик стал хозяином сам
Труду своему и своим хлебам».

Глава третья

И, с пламенем схожий, кинулся Мгер,
Полетел и взлетел
На гору Сасуна — Сасун и на Сим:
Сасуна гора громоздилась пред ним
И взбиралась до неба, горда, высока, —
Точь-в-точь голова быка,
Что, фыркая, лютую стужу несет
И вихрей круговорот.
По ущельям сасунских рек
Огневые кривые клинки —

То подножия Цовасар, чьи снега
К звездам возносят свои берега.
Без устали Мгер блуждал
От реки Ангех до Сехан-горы,
От Маратука до Цицмаакит.
Он для крепости места искал,
Он утесов искал, отвесных скал,
Удобных, пригодных скал.
И раз в непролазной чаще одной,
В теснине лесной,
Тигр огромный
Прянул на Мгера и заревел
Яростным ревом.
Размахнулся палицей Мгер,
Лютому тигру череп рассек,
Мясо поел, шкуру набросил
Себе на чело, разметал по плечам,
Словно гишт и халам.

Устрашающую скалу
Мгер отыскал
В извилинах Маратука —
Словно высокий трон
Из железных руд.
Тут взирали со всех сторон
Провалы бездонные, пропасти темные,
И раскинулась тут
Для твердыни пригодная россыпь огромных каменных
груд.

И тогда Мгер Джоджанц палицу взял
И помчался, примчался в Таронский лог.
Лог Таронский большую реку имел,
Глубокую, многоводную,
По прозванию Арацани.
Сто сорок ручьев, ручейков
Друг с дружкой сливались, и вместе они
Сплетали реку Арацани.
И увидел Мгер — вода поднялась,
Поднялась, понеслась,
Размывая поля и жилье.
Вот все пашни зальет
Селянина!
Сжалился Мгер,
С сердцем ужаленным на Карке^{#769}; он взлетел,
Необъятную глыбу
С базальтовой сбил скалы,
Сдвинул и потащил,
Волоча, волоча,
Грохоча, грохоча,
Протащил — и в реку поверг.
На две ветви он глыбою реку разбил,

Эта — влево легла, та — направо пошла,
И спала вода,
И веселыми вновь
Увидел жилье и поля
Селянин.
Как таронцы увидели силу его,
Испугались, диву дались.
Побежали, вбежали
В Арэв-Арринч, город торговый, большой,
В латунные стены Вишапаберд
И ворота латунные Вишапаберд
На сорок замкнули замков.
Мгер подбежал, палицей он
Семь раз по воротам прогромыхал,
По латунным воротам прогромыхал,
Он топнул о камне стальною ногой —
Будто горный взгремел обвал,
Загремели скрепы, замки
На воротах латунных Вишапаберд.
«Эй, таронская знать! Князья!
Вот воля моя:
Собрать, созвать, мне передать
Сто мастеров, чтобы камни тесать,
Сто мастеров, чтобы стены класть!
Десять сотен рабочих, носильщиков дать,
Чтобы камни таскать, железо ковать,
Десять сотен рабочих, носильщиков дать,
Чтобы землю копать, свинец расплавлять!
Созвать их, мне передать — иль ваше жилье
Я в прах превращу,
На ветер пущу!»

С челобитной ко Мгеру пришли,
Хлеб и соль принесли
Знатные города Арэв-Арринч.
Купцы, богачи
В этот же миг
Серебра да еды поспешили дать,
И сто мастеров, чтобы камни тесать,
И сто мастеров, чтобы стены класть,
И десять сотен рабочих, носильщиков дать,
Чтобы камни таскать, свинец расплавлять.

И забрал мастеров и работников Мгер,
К краю повел своему,
В высокий Сасун повел,
В край огромных, высоких скал.
На скале устрашающей с ними он воздвигал,
Словно щит непробойный, крепость и вал;
Из могучих камней, из базальта, кремней

Бойницы, проходы и своды слагал.
Не известь лили они — свинец
В основанье стен;
Не щебень клали они — свинец
Меж камнями стен.
А башню они возвели под конец
На вершине, где только орла
Крыло
Ее задевать могло.
Стальной был затвор,
Стальной был запор
На огромных воротах.
Построили пышные своды они
Высоких палат.
И окнами грозно
Палаты глядят
На извилистые пути,
На близкий путь и на далекий путь.
И сказал он: «Название крепости есть —
„Мгерова месть“».
И гремит это имя до нашего дня —
Вооруженный и строгий
Страж.

И, быстро ступая, отправился Мгер
В престольный город Сасун.
Спросонок заря раскрыла глаза,
А небо — морем пурпурным текло,
Словно туча, вздымался дым
Из очагов и труб.
Этот день был воскресный день,
Обедни служили в церквах.

И вошел он в Арюцаберд,
В свой джоджанский дом.
Златокованный пояс Давида взял,
Семь запоров с ларя сорвал,
Доспехи, кольчугу Давида взял,
Панцирь нагрудный скрепил он у плеч,
В родительский шлем смог чело он облечь,
Он к бедру привязал меч Авлуни — Молнию-меч.
Он в ворота конюшни ударил ногой,
В десять запоров на них, — и вот
Железные створы ворот
Распались, осколками прозвения.
Мгер Давидова вывел коня,
Огневого коня, за гриву держа,
Положил ему руку на шею, чтоб сесть.
Из церкви вышел Чинчхапорик,
Нахмурился, закричал,

За локоть Мгера схватил:
«Чтоб не стало тебя,
Мгер беспутный и злой!
Твой увидеть бы гроб!
Провалиться б тебе!»
Локотком оттолкнул
Неугомонного дядю Мгер.
Локоток по зубам прошел, —
И всех-то зубов лишил
Неугомонного дядю Мгер!
Вскочил на коня солнцеродный Мгер,
Разгорячил, да не дал увлечь,
Как домчался до площади, встал.
В правой руке — тысячелучный Молния-меч.

Как в Андокских горах громыхает гром,
Над городом голос гремит,
Мгер горожанам кричит:
«Эй вы, сасунские храбрецы,
Эй, селяне, работники и рабы!
Все, кто может владеть копьем и стрелой,
Все, кто может владеть дубьем, булавой,
Оружье берите,
Идите за мной!
Разрушим навеки мир темный и злой
И строй трудовой установим в миру,
Строй люда простого, закона и прав,
Чтобы труженик стал хозяином сам
Труду своему и своим хлебам».

И голос Мгера прогремывал
По ущелью Сално сквозь Ворота Цопац,
Чапахджур пробежал, в далях Муша звучал,
К скалам Хута взбежал, на вершину Гыргур —
И вернулся опять,
Чтоб стоголоса звучать
Над Сасуном.

Глава четвертая

Все главы Джоджанц, весь могучий род:
И Горлан-Оган, да и Хор-Гусан,
Тар-Воробышек, с ним и Хор-Манук,
И Вжик-Мхо, да и Брнац-Курик,
Да и Джодж-Вирав, да и Чох-Вирав,
И придворных рать, и сепухов тьма,
И свободных тьма, и подвластных ряд,
Под защитой лат, со щитом, с копьем,

Со стрелой, с мечом,
Пред собой гоня
Много множества из окрестных мест
Голытьбы, рабов, тьму людей простых,
Их в броню одев, давши латы им,
Камни, лук, пращу, —
Рьяно ринулись и сгрудились все, против Мгера встав,
И вопят ему:
«Эй, дьявол Мгер!
С коня ты сойди! В церковь иди!
Восплачь, взмолись, отвернись
От наущения сатаны!
А биться хочешь — не сетуй:
Рубя,
С вековыми костями смешаем
Тебя!»

Мгер молчит, недвижим,
Что гора, недвижим,
Все зараз подались назад;
Все зараз застыли... стоят.
Все зараз о камни ногой
Громко ударили — раз!
Сомкнули ряды; призывая в бой,
В щиты кулаками ударил строй —
И ринулся рьяно,
Крича и гремя,
Словно буря рванулась вперед
Волна за волной.
До небесных высот
Тучу пыли взнесли,
Налегли,
Напряглись,
Кулаками грозя,
Подпирая друг друга, рвались, неслись, добрались
До Мгера — рвать его
И топтать.
Пришпорил Мгер огневого коня,
Ворвался в толпу,
На две стороны бросил врагов,
Направо — одних, налево — других.
К востоку — одних, к закату — других.
Отбросил, погнал, и настиг, и сдержал.
И встал он лицом к лицу
С князьями, со знатью
И с людом дворцовым, —
И меч Авлуни он схватил, обнажил,
И меч Авлуни, словно молния, бил.
Словно пламень могучий меж темных туч,
Всё кромсал он, бросал,
Сжигал и топтал,

А тех, кого меч острием не пронзал, —
Тех пламень, бегущий с меча, поражал,
И паводком кровь текла.
Кто целым остался — в страхе бежал.
Словно хворост сухой, рассеялись все.

Князя, священники, старшины
Со звонницы церкви подняли звон,
И дряхлые старцы со всех сторон,
И мать и дитя, и бедняк и богач
К церкви стекались, — и толпы росли,
Словно волны морские шли.
Запрудили церковь со всех сторон
Князя, священники, старшины,
Стекался весь город шумливый —
Сасун!

И проклинали страшного Мгера они:
«Проклятье тебе,
Злохитростный Мгер!
Ты с антихристом схож!
Ты бушующий дэв!
Ты, восставший на мир, —
Чтоб ты жаждал всегда, чтоб голодным блуждал!
Чтоб ты был без детей, без наследников был!
Чтоб ты смерти взыскал, да ее не сыскал
До поры, как придет Иисус
Суд вершить над тобой!»

И проклятье дошло, поймало
Мгера.
И земля не могла — не держала
Мгера.
По колена ноги коня
Погружались в прах.
С великим трудом
До могилы родителей Мгер добрался,
Обнял могилу, молвил в слезах:
«Отец, поднимись!
Мать, поднимись!
Укажите исход
Вашему Мгеру».
И вот из могилы голос идет,
На плач ответ подает:
«Отправься, сынок, на взгорье Тоспан,
В Воронову пещеру,
Порыдай, пострадай,
Покайся в слезах,
Чтоб Христос тебя пожалел,

Даровал избавленье».
И родная земля не держала
Мгера.
И солнце, что взор умирающих,
Меркло
И тускло взирало, не согревало
Мгера.
По колена ноги коня
Погружались в прах.
И с великим трудом Мгер поплелся
И добрался до озера Ван.
Отомкнулась Воронова пещера,
В объятья свои приняла
Мгера с конем.
И замкнулась Воронова пещера,
Как пустила Мгера с конем.

И Мгер-исполин
В пещере живет.
Тусклый мреет огонь
Дни и ночи над ним.
На день — кружка воды.
Хлеба в день — три ломтя.
Пред конем — сноп трилистника
Вечнозеленой травы.
И, бессмертный, думает Мгер
О жизни людей,
Мирские дела змеей
Обвивают сердце его,
И не плачет, не кается он,
Чтоб Христос его пощадил
За его злые дела.
И плывут
Тучи, полные пламенем, влагой,
С величавой вершины Масиса,
С увалов Синапа, с моря Ципан,
Пламенем бьют
В нагую Воронову пещеру,
В закрытый за Мгером вход,
Громяхают, сверкают,
Убывают, себя истощив.
А в недрах пещеры, в глуби скалы,
Гневом исполненный, Мгер
Грозно кричит.
Топочет и ржет
Взнузданный конь, огненный конь.
Потрясают и Мгер и конь
Мир до его основ.

И в день Вознесения каждый год,

Когда небо к земле с лобзанием идет
И воду целует огонь,
В день Вознесения каждый год,
Когда все раздвигают створы ворот,
Опасаются в селах и в городах:
Распахнется Воронова пещера,
Появится Мгер.
И горожане, селяне
В слезах
Молят Христа:
Злого Мгера связать, не выпускать,
Чтоб не вырвался он, землю не разорил.
И в одно Вознесенье, когда Мгера врата
Вновь разомкнулись, в пещеру проник
Старый пастух, и пред старцем возник
Кто-то могучий, подобный скале.
На его голове был шлем,
Он сидел на коне огневом,
Молнию он держал —
Так он старцу предстал.
«Кто ты?» — молвил старик.
«Я — Мгер, сын Давида.
Ты откуда пришел, старик?»
— «С белого света», — молвил пастух.
«А мир изменился иль нет?» —
Спросил его Мгер.
«Мир всё такой же, как был», —
Молвил старый пастух.
«И по-прежнему люд простой изнывает в труде
И добычу свою отдает другим,
Сам голодным живет?» —
Спросил его Мгер.
«Да, всё по-старому, Мгер Джоджанц». —
«Ну, возвращайся в свой злобный мир», —
Сказал возмущенный Мгер.
«Когда же ты выйдешь на белый свет?» —
Мгера спросил старый пастух.
«Когда нож до кости
Дойдет
И Мгера народ
Позовет», —
Грозный ответил Мгер.
Из пещеры вышел пастух,
И замкнулась Воронова пещера.

И до этого дня
Мгера пещера таит.
Он сидит на могучем коне
В броне,
Молния в правой руке,
Щит на левой руке,

На голове его — шлем.
Слушает... мир окружающий — нем.
Слушает... глухо, темно.
Вся душа его в слухе,
Ухо
К народу обращено.

Эпилог

Даль времен велика, миновали века
С той поры, как любящий бедных Мгер
Был замкнут в пещерный мрак.
Злобных тысяча лет прошло,
Снова тысяча злобных лет,
Унылых, свирепых, тягостных лет.
И простой народ, подневольный раб,
Что животное выючное, изнывал,
Страдал, тяжело грудь вздымал,
Поля заседал, города воздвигал
На потребу жадным, скупым
Князьям да владельцам,
Царям, богачам,
Повсюду, во всех краях
Изнывал, умирал в трудах:
В пустыне морей, меж бурных зыбей,
Под жаром полдневных лучей,
Меж выюг ледяных.
И вечно он жил, и вечно бродил
Голодным, нагим —
Таким,
Как родился на свет.
И права не знал, и воли не знал.
И день изо дня да из года в год
Злоба господ,
Насилия гнет
Тяготили
Народ.
И нож до кости дошел,
До сухой народной кости,
А как нож дошел до кости,
Не выдержал, крикнул народ,
Из поселков и городов,
С берегов озер и морей,
От кузнечных огней —
Подневольный бедняк, обездоленный раб
И работник любой —
Все, к смерти готовые, вышли
На бой.
И кричали, взывали, звали
Грозного Мгера.

И, пылая что пламень, со всей земли
Тысячи, тысячи зовов неслись,
И зовы, что буря, что буйный прибой,
Воронову пещеру нашли, и пришли,
И постучали в скалу.
Слышит в пещере Мгер:
Пылающих кличей тысячи тут!
Тут к смертному бою зовы зовут!
Десницу железную выпрямил Мгер,
Безмерно выиграло сердце его,
Грозно заржал конь огневой,
До основ потрясли они мир земной,
И рассекли скалы они.
Молнии бьют с меча Авлуни,
Ужас рождают, срывают они
Пути, затворы; затворов — уж нет:
Мгер появился, вышел на свет.
Потекли бедняки, появились, пришли,
Тысячи, тысячи, тысячи их,
Подневольных рабов и рабочих любых!
Обступили морем безмерным,
Бурнодышащим
Мгера —
И грянули враз
И ринулись
На царей и князей,
Грозно грянули враз,
Злой разрушили мир
И строй трудовой утвердили в миру,
Строй люда простого, закона и прав,
Чтобы труженик стал хозяином сам
Труду своему и своим хлебам.

1919–1937

Женева — Ереван